

УДК 316.254

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии культуры и массовой коммуникации НАН Украины, Киев

Метамарксизм в политической теории Алена Бадью

Аннотация

В ситуации, когда обращение к марксизму кажется совершенно несвоевременным, лишенным исторической перспективы, когда кажется напрасным всякое намерение оживить и вернуть смысл некогда грозным и могущественным понятиям о диктатуре пролетариата, коммунистической партии и др., в среде современных французских интеллектуалов продолжают попытки его творческого осмысления. Одним из видных современных представителей неомарксизма является Ален Бадью, которому удалось создать новую версию неомарксизма. В ней осуществляется радикальное переосмысление основных понятий марксизма.

Ключевые слова: неомарксизм, политика, политическое, А.Бадью, событие, ситуация

ВІКТОР БУРЛАЧУК,

доктор соціологічних наук, провідний науковий співробітник відділу соціології культури і масової комунікації НАН України, Київ

Метамарксизм у політичній теорії Алена Бадью

Анотація

У ситуації, коли звернення до марксизму здається абсолютно несвоєчасним, позбавленим історичної перспективи, коли здаються марними будь-які наміри оживити й повернути сенс колись грізним і могутнім поняттям про диктатуру пролетаріату, комуністичну партію тощо, в середовищі сучасних французьких інтелектуалів тривають спроби його творчого осмислення. Одним зі знайомих сучасних представників неомарксизму є Ален Бадью, якому вдалося створити нову версію неомарксизму. У ній здійснюється радикальне переосмислення основних понять марксизму.

Ключові слова: *неомарксизм, політика, політичне, А.Бадью, подія, ситуація*

VIKTOR BURLACHUK,

Doctor of Sciences in Sociology, Leading Research Fellow at the Department of Sociology of Culture and Mass Communication, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv

Meta-Marxism in Alain Badiou's Political Theory

Abstract

In a situation when taking an interest to Marxism seems totally untimely and devoid of any prospects, when it seems futile to try to revive once formidable and powerful concepts such as dictatorship of the proletariat, communist party, etc. and make them regain their meaning and relevance, French intellectual circles persist in their efforts to revisit this theory. One of the most prominent contemporary neo-Marxists is Alain Badiou, who elaborated a new version of neo-Marxism providing a radical rethinking of the basic concepts of Marxism.

Keywords: *neo-Marxism, politics, the political, Alain Badiou, event, situation*

Все, что осталось от марксизма, — это лишь говорящий труп, некий дискурс, поддерживаемый исключительно лживыми умолчаниями о его смерти.

Вот почему в моем словаре остается — наперекор мрачным событиям минувшего века — прекрасное слово “коммунизм”.

А.Бадью

Казалось, уход в прошлое советского государства и связанной с ним коммунистической идеологии оставил после себя стойкую неприязнь среди большинства интеллектуалов к увлечению левой идеей, неподдельный ужас перед любым массовым движением и культом вождей.

Установление парламентских демократий воспринималось как средство покончить с бесправием человека, всесилием чиновников, коррупцией,

цензурой, нерациональной экономической политикой, товарным дефицитом и т.п.

Однако приход буржуазного парламентаризма отнюдь не смог кардинально излечить основные пороки посткоммунистических обществ. Государственный аппарат не сократился, а увеличился, коррупция не уменьшилась, а возросла, установление рыночных отношений нанесло непоправимый удар по сфере культуры, здравоохранению, образованию.

Нынешняя политическая ситуация выталкивает современного интеллектуала из политической жизни, поскольку он сталкивается с невозможностью предложить любой социальный проект, который бы уже не был оформлен в левой или правой терминологии. Более того, исчезает и сама ориентация по принципу разделения на правое и левое.

Позиция интеллектуала — это, как правило, позиция критики, она волей-неволей относит его к левому спектру политической жизни современного общества.

Для того, чтобы определиться в ситуации, необходимо выстроить свое отношение к основным социальным институтам: государству, выборам, парламентской демократии.

И вот в этой ситуации, когда обращение к марксизму кажется совершенно несвоевременным, лишенным исторической перспективы занятием, когда кажется напрасной любая попытка вернуть смысл некогда грозным и могущественным понятиям о диктатуре пролетариата, коммунистической партии и т.п., споры о марксистском наследии продолжают волновать социальную мысль. К группе современных французских неомарксистов принадлежит один из влиятельных философов наших дней, наш современник Аллен Бадью.

А.Бадью родился в г. Рабате, Марокко, в 1937 году. Закончил Ecole Normale Supérieure, одно из самых престижных образовательных учреждений во Франции. Получил диплом Сорбонны. Очень рано проявил политическую активность и был одним из основателей Unified Socialist Party (PSY), которая боролась за деколонизацию. В 1967-м Бадью вступил в учебную группу, организованную философом неомарксистом Луи Альтуссером. Во время событий 1968 участвовал в вооруженной группе Союз коммунистов Франции (марксистов-ленинцев). Ранее, в 1958 году основал группу Политическая организация, в которую вошли Сильвин Лазарю и Наташа Мишель, руководящие ею и поныне.

Судя по политической биографии А.Бадью, его отношение к марксизму объясняется не чисто академическим интересом, а продиктовано практическими задачами его непосредственного участия в политической жизни современной Франции.

Политическая концепция Бадью, в которой он высказывается о своем отношении к марксизму, изложена во многих его работах, таких как “Можно ли мыслить политику?” (1985) и “Сокращенное изложение метаполитики” (1998).

Прежде чем начать анализировать политические взгляды французского мыслителя, следует иметь в виду, что во многом они являются продолжением его философской концепции, которая исходит из определенной онтологии, где ключевыми понятиями являются множество, событие, верность, процедуры истины и др. Поэтому, когда в своих политических трактатах

Бадью пишет о “народной сингулярности” или о “непредставимости случаев не-связанности”, для понимания этих его понятий следует обращаться к его философским текстам.

Занимаясь политическими текстами А.Бадью, постоянно приходится отвечать на вопрос: зачем нам изучать метамарксистские взгляды А.Бадью, когда постсоветские государства, в том числе и Украина активно проводят политику декоммунизации, а коммунизм в современной идеологии приравнивается к фашизму?

Дело в том, что благодаря своим фундаментальным работам “Теория субъекта” (1982), “Бытие и событие” (1988), “Логика миров” (2006) и др. Ален Бадью занял прочное место на интеллектуальном Олимпе, среди таких мыслителей, как Ж.-П.Сартр, М.Фуко или Ж.Делез. Его сочинения в значительной степени определяют современную культурную жизнь Европы и Америки. Некоторые его работы были переведены и на украинский язык.

Кризис политического

Главный тезис, с которого начинаются размышления Бадью о политике, — это парадоксальное утверждение о ее отсутствии. Это отсутствие он видит в том, что основополагающие категории, которые обуславливали существование политического, такие как: рабочее движение и интересы собственников, национализм и интернационализм, капитализм, социализм и коммунизм, свобода и авторитаризм перестали действовать. Они превратились в знаки, которые производятся на заброшенном поле деятельности, однообразие этих знаков таково, что связать себя с ними способен лишь автоматический субъект.

Для уточнения своей позиции Бадью производит различие понятий политики и политического. Для Бадью — политическое только фикция, пребывающая в “отступании и отсутствии”. О наличии политического можно судить по наличию связи среди различных социальных групп (связь пролетариата, связь народа, союз всех французов), которая находит свое выражение в институте представительства. Такими институтами представительства являются парламенты, политические партии.

Однако современный опыт показывает, что все единства являются неустойчивыми, нет ни французов, ни пролетариата. Отсюда Бадью делает вывод: все единства во всем их множестве являются неустойчивыми, а институты представительства не работают. Реальная политика должна учитывать этот опыт и строиться не на концепции связи и представительства, а на *непредставимости* и *не-связанности*. “Наша же задача касается политики в той мере, в какой политика упорядочивает вокруг *непредставимого* случаи *не-связанности*” [Бадью, 2005: с. 16]. Попробуем более подробно рассмотреть данное положение.

Прежде всего Бадью призывает покончить с представительской концепцией политики. В этом отношении его позиция совпадает с позицией другого французского ученого П.Бурдьё.

Поскольку понятие представительства оказывается ключевым в современной социологии политики, следует остановиться на нем более подробно. В понятии политического представительства, в отношении между политическим лидером и группой, которую он представляет, Бурдьё видит глав-

ный источник политического отчуждения. Откуда возникает власть доверенного лица над группой, которую он представляет? Как получается, что полномочный представитель, министр, доверенное лицо, делегат, депутат, то есть те, кто имеет мандат представлять какую-то группу, приобретает власть над тем, кто ему эту власть дал?

С другой стороны, наивно было бы полагать, что группа может существовать и заявлять о своих правах без доверенного лица. Здесь налицо двусторонний процесс: не только группа создает своего представителя, который начинает говорить от имени группы, но и представитель создает группу. “Политическому присуща своего рода антиномия, состоящая в том, что индивиды не могут ... конституироваться ... в группу, то есть в силу, способную заставить слушать себя, говорить и быть услышанной, иначе, как отказавшись от своих прав в пользу официального представителя” [Бурдьё, 2005: с. 159]. Источник политического отчуждения заключен в самом акте делегирования. Благодаря этому акту начинается неумолимый процесс бюрократизации. Из акта делегирования у группы появляется ряд признаков, которые делают ее группой: постоянное помещение, освобожденные работники, бюро с печатями, штемпелями, подписями и др. Сам процесс делегирования может удваиваться, утраиваться и т.д.

Другое действие делегирования состоит в том, что уже конституированная социальная реальность в виде партии или Церкви дает мандат некоему индивиду, и так возникает представительство представителя.

Механизм политического делегирования не устраивает Бурдьё. Однако он не знает, как с ним бороться, поэтому единственное, что он может предложить, так это последнюю политическую революцию, и эту “революцию против сословия политиков и против потенциально содержащейся в акте делегирования узурпации — еще только предстоит совершить” [Бурдьё, 2005: с. 178]. Бадью разделяет эту мысль французского социолога, однако пытается придать ей разработанную теоретическую форму.

Для Бадью понятие представительства в политике связано с знаменитым определением Ленина, что массы делятся на классы, классы представляются партиями, а партии управляются вождями. Данное определение фиксирует наличие единства, связи между исторической деятельностью масс и именами определенных вождей. Имя вождя становится символическим выражением политического процесса.

Однако в современной политической ситуации связь между именем собственным вождя и деятельностью масс утрачивает свое значение. Это можно наблюдать и в наличии политических партий-близнецов, и в аморфности политических идеологий, плавно переходящих от одной политической платформы к другой. Поэтому задача современной ситуации “открыть путь для неэкспрессивной концепции политической деятельности, то есть концепции, которая запрещает подобный переход к имени собственному от деятельности масс” [Бадью, 2013: с. 85].

Вопрос об отношении между существованием и определенным именем можно формализовать, считает А.Бадью, в рамках математической теории множеств. Определенное множество задается определенной формулой, а подмножество определенного множества, согласно математику Курту Гёделю, называется *конструктивным*. Существует закон, представленный в ви-

де аксиомы, который гласит, что всякое множество конструктивно. Иначе говоря, единственные множества, которые существуют, конструктивны.

Однако математиков, утомленных законностью конструктивных множеств, соблазняла задача: выйти за пределы явного порядка именованности и конструктивности. Это означало найти объект, у которого нет имени.

Как найти неконструктивное множество? “Вы сразу же можете понять трудность, политические последствия которой огромны. Она в следующем: как найти математический объект без ясного описания, без имени, без места в классификации, как найти объект, характеристика которого в том, что он не имеет имени и не является конструктивным?” [Бадью, 2013: с. 96].

В 1960-е годы математик Пол Коэн нашел решение, позволяющее именовать и идентифицировать множество, не являющееся конструктивным, множество без предиката. Такие неконструктивные множества Бадью называет “родовыми”.

Бадью считает, что ситуацию, сложившуюся в математике, можно перенести и в сферу политики. Формально политику можно представить как борьбу между конструктивным и родовым. В политике “родовое” является новым сложением социальной реальности (это означает, что мы уже не можем исходить из понятия класса и классовой борьбы, как это определялось в марксизме). Следует преодолеть определенные имена и ясные деления. Поэтому усилия политической борьбы должны быть направлены на утверждение того, что не имеет имени. Должно быть иное соотношение между масса-ми, классами и партиями, другое сложение политического поля.

Политика для Бадью — это режим разрыва, а не режим собирания. Она соприкасается с реальным в режиме разрыва, а не в режиме собирания. Режим разрыва и означает для него присутствие события.

Одним из событий, современниками которого мы являемся, есть кризис марксизма. Таким образом, Бадью в отношении марксизма осуществляет следующую стратегию: *деструкцию* марксизма и его *рекомпозицию*.

Деструкция

Деструкция марксизма необходима по одной главной причине: марксизм представляет собой отжившую идеологическую и практическую концепцию. Марксизм в том виде, в каком он выступает в качестве идеологии коммунистических партий, неприемлем. Деструкция марксизма продиктована тем, что ушли в прошлое те исторические референции, на которых он основывался. Историческими референциями марксизма были: социалистические государства, рабочее движение и национально-освободительное движение.

Все эти три референта не выдержали испытания историей. Окончательный кризис марксизма, по мнению Бадью, показал феномен польского рабочего движения (Гданьск, 1980), когда рабочее движение окончательно утратило связь с марксистской идеологией.

По мнению Бадью, возможны два способа отношения к произошедшему кризису марксизма: быть субъектом кризиса марксизма или быть объектом кризиса марксизма. Быть объектом — это защищать его доктринальный корпус от разрушения. Эта позиция неприемлема для французского мыслителя. Быть субъектом — это быть ориентированным на деструкцию марк-

сизма, использовать смерть марксизма для перестройки политики. Сегодня референты политики не являются марксистскими, происходит некая фундаментальная делокализация марксизма. Поэтому для радикальной деконструкции марксизма следует расположиться в делокализованном месте.

Рекомпозиция

Делокализованное место марксизма — это то место, где марксизм начал свое существование, но одновременно это место, которого нет. Рабочее движение для Маркса не столько референт, считает Бадью, сколько препятствие, на которое наталкивается некоторый субъект, утрачивая при этом свою связанность.

Рекомпозиция марксизма для Бадью означает определение фигуры начала, при этом речь не идет о том, чтобы выделить и структурировать какую-то часть уже наличествующего явления. Мы должны пересоздать “Манифест коммунистической партии”, считает Бадью. И если кто-то предполагает, что рекомпозиция марксизма для Бадью означает поиск некоего класса или процесса, опираясь на который как на референт, можно строить новую версию марксизма, то это не так. Бадью скорее склонен говорить о новой политической способности, которая предполагает реинтерпретацию коммунистической теории. “*Имеется некая политическая способность, ориентированная на не-господство*” [Бадью, 2005: с. 56], — утверждает он.

А новым источником марксизма, наподобие трех источников и трех составных частей марксизма, описанных В. Лениным, может стать теория Лакана о расщепленности субъекта и закате объекта.

Начало движения рекомпозиции марксизма надо начать с понятия события. Событие не принадлежит порядку реальности (у него есть текущая имитация, называемая фактом). Выборы нельзя назвать ни событием, ни реальностью политики. “Событие есть то, чего недостает фактам, и то, что задает этим фактам истинность” [Бадью, 2005: с. 54].

Новая формула политики, предложенная Бадью и опирающаяся на марксизм, покоится на концептах *события, структуры, вмешательства и верности*. Она дает возможность записать новое основание всякой политики на очищенном философском фундаменте.

Событие

Событие является одной из фундаментальных категорий философской онтологии А. Бадью [Badiou, 2005]. Истоки его формулировки надо искать в теории множеств. Событие представляет собой неконструктивное множество, математический объект без ясного описания, без имени, без места в классификации, множество без предиката.

Однако понятие события, извлеченное из своих математических коннотаций, имеет вполне определенный социальный и политический смысл. В полной мере его позволяют прояснить размышления учителя А. Бадью Ж. Делеза о событиях мая 1968 года.

Прежде всего событие нельзя свести к простому социальному детерминизму, к причинным рядам. “Событие само по себе состоит в обособлении или в разрыве с различными видами причинности: это бифуркация, откло-

нение от законов, нестабильное состояние, которое открывает новый спектр возможностей” [Делез, 2016: с. 69].

Очень важно в понимании события иметь в виду, на чем настаивают и Делез, и Бадью, его *вероятностный* характер. Иначе говоря, событие не обладает всей массой фактичности, которая полностью определяет дальнейшее развитие общества. Но предлагает лишь определенный набор возможностей, которые будут использованы, учтены или не будут использованы в дальнейшем.

“В этом смысле событие может быть оспорено, пресечено, воспроизведено заново, предано; оно не содержит в себе чего-то непреодолимого” [Делез, 2016: с. 69]. Событие, как подчеркивают Делез и Бадью, — это открытие возможности. Так, главным политическим событием в послевоенной Франции для французских интеллектуалов стал май 1968 года. “Май 68-го, скорее, из разряда чистых событий, независимых от обычной или нормативной причинности. Его история — это “последовательность нестабильных состояний и возрастающих флуктуаций”. В 68-м хватало суеты, жестов, слов, всевозможных глупостей, иллюзий, но важно не это. Важен сам феномен ясновидения, как если бы общество вдруг узрело, что в нем есть что-то невыносимое и возможность чего-то иного. Это был коллективный феномен из разряда “Дайте мне возможного или я задохнусь”. Возможное не существует заранее, его создает событие. Это насущный вопрос. Событие порождает новый образ жизни, оно производит новую субъективность (новое отношение к телу, времени, сексуальности, среде, культуре, работе...)” [Делез, 2016: с. 70].

Общество должно создать новые коллективные устройства, отвечающие произошедшему событию. Только в таком случае оно окажется верным событию, реализует новые возможности, которые открываются в событии.

Здесь в отношении к событию возникает новая категория, которая занимает значительное место в мировоззрении А.Бадью, — это *верность* событию.

Французское общество продемонстрировало полную беспомощность, что “касается субъективного преобразования на уровне коллектива, как того требовал май 68-го” (Ж.Делез). Все новое было вытеснено на задний план и сведено к карикатуре.

В отношении французского общества к событиям мая 68-го, его неспособности ответить на новые открывающиеся возможности украинский читатель может увидеть некое сходство с ситуацией, сложившейся в Украине, после “революции достоинства” (2014). Избавление от криминогенного режима В.Януковича не послужило мощным источником обновления общества. “Возможное всякий раз оказывалось в изоляции” [Делез, 2016: с. 71]. Само событие было карамелизировано в юбилейных речах, в установлении памятных знаков, переименовании улиц, в бесконечных комиссиях по рассмотрению произошедших трагических эпизодов революции.

Поэтому так важно, оказывается, быть верным произошедшему событию, его подлинному смыслу. Как отмечает Жак Рансьер, Бадью утверждает верность как этическое поведение нашего времени. Быть верным событиям мая 1968 года значит не дать социальной волне поддаться всеподавляющему гнету доведенной до состояния государственности мысли.

При осмыслении события, с точки зрения Бадью, необходимо учитывать момент *вмешательства*. Произошедшее событие повергает нас в неизвестность относительно его политического наименования, мы сталкиваем-

ся с политико-историческими обстоятельствами, которые непрозрачны сами по себе и для именования которых у нас существуют только устоявшиеся, как правило, непригодные понятия и категории. Получается, что события, осмысленные в такой системе языка, на самом деле оказываются несмысленными. Существует некая избыточность события, которая выводит его за рамки устоявшейся системы значений.

Предстоит работа по именованию события, которое Бадью и называет вмешательством. Задача мыслителя состоит в том, что политически изобретенные наименования события осуществляют разрыв с господствующей системой представлений, тем самым происходит “переоткрытие возможности политики, исходя из смутных событийностей” [Бадью, 2003: с. 46].

Понятие политического: отделение политики от государства

Главная позиция интеллектуала заключается в том, чтобы организоваться, мыслить и действовать на расстоянии от государства. Такое мышление и действие предполагает разделение политики и государства.

Поэтому необходимо переосмыслить понятие политики, отобрать его из рук циничных представителей власти, открыть его подлинный смысл, поскольку дело освобождения человечества — это реальный политический акт, направленный на переустройство социального мира.

Для Бадью “политика — это организованное коллективное действие, которое отвечает ряду принципов и призвано развить в реальности следствия некоей новой возможности, вытесненной господствующим положением вещей” [Бадью, 2013: с. 11]. Развить в реальности следствия некоей новой возможности — это значит определить событие, дать ему имя и следовать ему.

Для эффективной политики следует определить “новую возможность”, которая скрывается за трескотней современных масс-медиа.

На таком понимании политики строится критика Бадью современного устройства системы политической власти. Для него выборы составляют разновидность парламентского фетишизма, который заменяет электорату демократию. Выборы не являются действием, выражающим подлинный выбор, “это имя организованной дезориентации, развязывающей руки государственному персоналу” [Бадью, 2013: с. 22]. Основное напряжение политической концепции Бадью заключено в очень формализованном дискурсе его политической теории и необходимости конкретного политического действия им обосновываемого.

Ориентация

Понятие ориентации является фундаментальным для социальных наук. Кант пишет знаменитую статью: “Что значит ориентироваться в мышлении?”, но человеку недостаточно ориентироваться только в мышлении, ему необходимо ориентироваться в целом мире. Он ждет ответа на вопросы, “что я могу знать”, “что я должен делать” и на “что мне следует надеяться”.

Предполагается, что ответы на эти вопросы он может обнаружить в личной системе идеологии. Однако идеология лишилась своего доминирующего положения в обществе, поскольку господствующая идеология пере-

стала существовать в связи с разрушением тоталитарных государств. Она раскололась на фрагменты, не способные дать целостную картину мира.

Главная проблема заключается в том, чтобы определить природу той ситуации, в которой оказался современный человек, независимо от места его проживания. В своих популярных работах Бадью вынужден в основном исходить не из теории, а из эмпирических наблюдений. И здесь Бадью делает категорическое утверждение. *Истина нашей ситуации определяется войной*, которая протекает в двух формах: внешняя (военная интервенция) и внутренняя (война с собственным народом), с бедными и/или пришлыми, война под прикрытием “антитеррористической операции”.

Однако определение ситуации не исчерпывает полностью задачи ориентации. Из определения ситуации должен вытекать определенный способ действия, определенная максима. Такая максима должна открыть горизонты новых возможностей. И такой максимой является суждение: есть только один мир.

Реальная аксиома господствующей политики в том, что нет никакого единого мира субъектов человеческого вида. Мир глобализации существует исключительно в виде мира объектов и денежных знаков, мира свободного обращения товаров, финансовых потоков и рабочей силы. Глобализация, которая не устраняет границы, а создает новые, вызывает осязаемое беспокойство у Бадью. В этом мире есть только две вещи — объекты продажи и знаки — абстрактные инструменты купли-продажи, разные виды денег, кредитов, финансовых спекуляций, но в этом мире нет субъектов человеческого вида [Бадью, 2008: с. 71].

Сегодня нет места миру людей в строгом смысле там, где под завесой пропаганды глобализации явно существуют два мира. Тезис о достигнутом благодаря рынку и “международному сообществу” единстве демократического мира насквозь лжив.

Сегодня мы прекрасно знаем, что если мир и един единством объектов купли-продажи и денежных знаков, то единения живых человеческих тел не существует. Повсюду зоны, стены, отчаянные побег, презрение и смерть. Вот почему главный политический вопрос сегодня — это вопрос о мире, о существовании мира. Перед лицом двух искусственных и убийственных миров следует с самого начала принять за основу существование одного-единственного мира и твердо стоять на этом.

На основании определения ситуации необходимо преодолеть свою “свободную индивидуальность”, то есть стереотип, в котором растворяется человек (что может быть более однотонным, чем эти свободные индивиды рыночного социума).

В описании современного капитализма Бадью возвращается к риторике “Манифеста Коммунистической партии”. Мы имеем дело с тем циничным капитализмом, каким он предстал в 1840-м: для этого капитализма нет ничего важнее богатства, все бедняки просто лентяи, африканцы — отсталые люди, все будущее за “цивилизованной буржуазией” западного мира. Возвращается целый ряд феноменов XIX века: чрезвычайно обширные зоны крайней нищеты, все возрастающее неравенство, распространяющееся как внутри богатых стран, так и в запущенных или разграбленных регионах, радикальный разрыв между трудовым и безработным людом и так называе-

мым средним классом, рабская угодливость абсолютного большинства интеллектуалов [Бадью, 2008: с. 149].

Критика электоральной демократии

Электоральная демократия является символом современного капитало-парламентаризма. Основной удар критики современного общества направлен против главного символа буржуазной свободы — электоральной демократии. Здесь Бадью не стесняется в упражнении своих критических способностей.

Отъявленное бессилие является родовым измерением электоральной демократии. Электоральная демократия являет собой не пространство свободного выбора, а нечто такое, что чуждо просвещенным волеизъявлениям. Демократии наплевать на какое бы то ни было содержание. Если она что-то и представляет, то исключительно свою собственную форму выставленного на обозрение числового элемента. Голосование является фиктивной фигурой выбора, вылепленной из податливого материала всеобщей дезориентации.

“Я должен сказать, что совсем не уважаю самого по себе всеобщего избирательного права, все зависит от того, на что оно направлено” [Бадью, 2008: с. 40]. Выборы могут выступать и инструментом волеизъявления, и инструментом подавления; при этом неочевидно, какая из этих функций перевешивает [Бадью, 2008: с. 41]. Выборы — плоть от плоти государства, определенной формы государственности — капитало-парламентаризма, приспособленного для поддержания существующего строя; они всегда отличаются консервативной функцией [Бадью, 2008: с. 43].

Демократия неспособна служить какой бы то ни было истинной Идее — если власть в государстве служит желаниям и их исполнению, служит, в конечном итоге, экономике в строгом смысле этого слова, она подчиняется только двум критериям: богатству, которое является наиболее стабильным средством исполнения желаний, и общественному мнению, которое выносит решения относительно объектов желания и степени внутренней силы, с которой надлежит ими завладеть.

Руководство к действию: держать точку

Для того, чтобы действовать, необходимо найти какую-то реальную точку, какой-то пункт реальности, и держаться его во что бы то ни стало. Это значит выйти из-под мутной струи бессилия, исторической ностальгии и депрессивного компонента и встать на какую-то реальную точку, в отношении которой нам точно известно, что следует стоять на ней во чтобы то ни стало, поскольку она не вписывается в закон ситуации [Бадью, 2008: с. 44].

Если вы стоите на такой точке, вы включаетесь в становление субъектом, связанное с последствиями того, что большинство объявляет опасной блажью, на счастье, совершенно невозможной, но именно это обручает вас с реальностью и выводит из состояния депрессии.

“Держать точку” это значит свергнуть человеческое животное, которое в нас сидит, в становление субъектом. Это значит плотью и кровью отдать свое извлечению последствий того, что вы стоите на своем, воплотить себя в том субъективированном теле, которое они мало-помалу выстраивают в нашем мире. Это значит к тому же, что одновременно вы выстраиваете в темпо-

ральности общественного мнения иную временную длительность, которая всемерно отличается от той, к которой вы были приписаны процедурами государственной символизации [Бадью, 2008: с. 45]. Бадью призывает сделать что-нибудь, что выходило бы за границы предложенной темпоральности, что находится вне закона эмпирического мира. “Это значит сделать свой выбор, решиться стоять на своем и заявить — наперекор закону мира, — что вы будете стоять на своем, чего бы это вам ни стоило” [Бадью, 2008: с. 53–54].

Точка, которую предстоит найти, должна быть таковой, чтобы к ней можно было “аннексировать” отличную от заданной длительность. Следует выстраивать свое время, которое будет отличаться от того, которое предписано тебе государством или теперешним положением вещей. Это невозможное время и будет наше время [Бадью, 2008: с. 47].

Тогда, если ты сделаешь “что-нибудь” такое, что не будет внутри предложенной тебе темпоральности, ты окажешься не только вне закона эмпирического мира, но и вне закона всякого возможного или представимого мира.

Если ничто не нарушает цельности реальности, если ничто не является исключением из нее, если невозможно стоять на своем, чего бы тебе это ни стоило, то вокруг тебя и нет ничего, кроме реальности и подчинения этой реальности, тому, что Лакан называл “обслуживание благ”.

Мужество — главная добродетель текущего момента

Нужно набраться мужества и отречься от правила выживания человеческого животного, чтобы твердо держаться пункта, через который может быть реализована процедура истины. Нам нужно знать, как в эту грязную пору следует себя вести, как сохранить достоинство, быть добродетельным, остаться защитником грядущих истин.

Мужество проявляется в практиках, в которых мы, невзирая на законы мира и поддерживающие их мнения, выстраиваем свое особое время. Мужество требует именно того, что вы держитесь во временной длительности, которая отличается от длительности, навязанной законом мира. Время — вот материя, сырье мужества.

Следует принять распад индивида в стоянии на этом пункте. Есть тут момент героизма — не обязательно величественного, воинственного. Это поворот, в котором индивид де-индивидуализируется, Платон называл это обращением. Диалектическое обращение, как он его понимает, отвращает нас от реальности, чтобы поставить лицом к лицу с тем реальным, каковое Платон именует “идеей”. Такого рода обращение, будучи всецело рациональным, является героическим в том смысле, что оно производит разрыв во временной ткани реальности [Бадью, 2008: с. 96–97].

Мужество, когда мы подходим к пункту, которого еще никогда не было, к тому реальному, что сплетается из нитей невозможного. Когда вы формируете свою собственную длительность, начало которой в какой-то точке, ваше местоположение не соприкасается напрямую с глобальной ситуацией.

Следует ли отказаться от коммунистической гипотезы?

Коммунизм является верной гипотезой. “По правде говоря, — писал Бадью, — другой просто нет, во всяком случае, я такой не знаю” [Бадью, 2008: с. 125].

Абсурдно называть коммунистические принципы утопией, как это часто происходит. Они представляют собой интеллектуальные схемы, которые все время актуализируются, всякий раз по-разному, и служат для того, чтобы проводить демаркационные линии между различными типами политики.

В виде чистой Идеи равенства коммунистическая гипотеза присутствует в человеческой практике с момента зарождения государства. С самого начала коммунистическая гипотеза не совпадает с гипотезой демократической, выливающейся в современный парламентаризм.

В истории коммунистической гипотезы выделяются два больших периода: период ее внедрения, утверждения и период первой попытки ее реализации.

Первый период от Французской революции до Парижской коммуны, от 1792 до 1871 года — около восьмидесяти лет. В этот период под знаком коммунизма массовое народное движение приводит к установлению нового типа власти. Второй период продолжается с 1917 (русская революция) до 1976 года (завершения культурной революции в Китае). Второй период длится около пятидесяти лет. От первого его отделяет разрыв такой же длительности. Этот период архисложен, время теории ушло, надо реализовывать гипотезу. Общая максима движения формулируется Лениным примерно так: “Мы вступили в период победоносных пролетарских революций”. Именно по этой причине две трети XX века охвачены “страстью реального”: XX век должен воплотить в жизнь грезы и опыты XIX века. Здесь на первое место выдвигаются вопросы организации и дисциплины. И посредством создания партии нового типа разрешается вопрос, унаследованный от Парижской коммуны: как захватить и удержать власть.

Второй период породил свою проблему, партия, подготовленная к революционному захвату власти, оказалась непригодной для создания государства диктатуры пролетариата, которая должна была обеспечить переход к не-государству, к власти не-власти государства. Произошло прямо противоположное: под видом партийного государства была разработана невиданная форма авторитарного. “Социалистическое” государство сгубила внутренняя бюрократия.

С конца 1970-х под видом “демократии” восторжествовала современная форма реакционного государства — капиталопарламентаризм.

Второй период коммунистической гипотезы завершился к концу 70-х годов минувшего века. Сейчас наступил третий период развития коммунистической гипотезы. С этого времени различные коллективы, работая в различных ситуациях, ищут возможности политики освобождения, отвечающей нашему времени. То есть мы снова находимся в интервальном периоде — периоде видимой победы противника.

Бадью твердо уверен в том, что марксизм, рабочее движение, демократия масс, ленинизм, партия пролетариата, социалистическое государство — все эти замечательные достижения XX века нам больше не помогут [Бадью, 2008: с. 144].

Второй период коммунистической гипотезы завершен, не надо стараться его продолжать или реставрировать.

Невозможно сказать, считает Бадью, в чем сущность наступающего третьего периода. Однако абстрактная философия происходящего может

быть высказана: то, о чем идет речь, касается нового отношения между реальным политическим движением и идеологией.

Коммунистическая гипотеза как таковая сохраняет родовой характер, она есть “базис” любой политики, направленной на освобождение человечества, она именуется то, ради чего только и стоит интересоваться политикой и историей. Но проблема в *представлении* гипотезы, вот что определяет наш период — новый способ предъявления гипотезы внутри новых форм организации и действия [Бадью, 2008: с. 145–146]. Наша проблема в том, чтобы определить план, в котором направляемая гипотезой мысль предстанет в фигурах действия. В общем и целом: речь о новом отношении субъективного и объективного.

Движение (рабочее) в XIX веке и Партия (коммунистическая) в XX веке были формами материального представления коммунистической гипотезы. Мы не можем вернуться ни к первой, ни ко второй. Где же пружина такого представления для XXI века? — спрашивает мыслитель.

Если отбросить коммунистическую гипотезу, то в плане коллективного действия вообще нечего делать. Сегодня философу нечего делать в плане исторического и политического становления, если перед ним не открывается горизонт коммунизма, горизонт Идеи [Бадью, 2008: с. 147].

Нам надлежит вернуться к самим условиям существования коммунистической гипотезы, а не просто стараться усовершенствовать средства ее реализации. Нам надлежит на деле заново утвердить гипотезу в идеологическом и политическом поле. И стоять на своем, удерживать реальную точку, создать собственную длительность — это минимальное условие.

Мы должны заново утвердить коммунистическую гипотезу как в человеческих умах, так и в жизненных ситуациях, — подытоживает свои рассуждения французский философ.

* * *

Я назвал политические взгляды Алена Бадью метамарксизмом, потому что его отношение к марксизму нельзя классифицировать в понятиях “развития”, “ревизии”, “модернизации” и др. Ничто из главных категорий марксистской доктрины не получило у Бадью дальнейшего развития. Свой философский язык Бадью создает сам, опираясь на современную ему философию и математику. В марксизме Бадью заимствует саму суть коммунистической гипотезы, которую он называет “политической способностью, ориентированной на не-господство”. В своем неприятии буржуазного общества, демократии, рыночных отношений Бадью тоже продолжает развивать критическую линию марксизма.

Главную свою политическую задачу он видит в том, чтобы дать современному человеку принципы ориентации в современном мире. В чем-то его положения напоминают элементы стоической этики.

Он также не ставит себе задачу создать новую универсальную идеологию, способную заменить ушедшие политические доктрины. Его задача скорее в том, чтобы еще раз показать относительность таких ценностей, как рынок и современная демократия в современном глобализованном мире, поскольку они не способны добиться социального равенства и справедливости.

Источники

Бадью, А. (2003). *Манифест философии*. Санкт-Петербург: Machina.

Бадью, А. (2005а). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику?* Краткий трактат по метаполитике. Москва: Логос.

Бадью, А. (2008). *Обстоятельства, 4: Что именуется именем Саркози?* Санкт-Петербург: Академия Исследования Культуры.

Бадью, А. (2013). *Загадочное отношение философии и политики*. Москва: Институт общегуманитарных исследований.

Бурдые, П. (2007). Делегирование и политический фетишизм. В П. Бурдые, *Социология социального пространства* (с. 157–178). Санкт-Петербург: Алетейя.

Делез, Ж. (2016). *Мая 68-го не было*. Москва: Ad Marginem.

Badiou, A. (2005b). *Being and Event*. New York: Continuum.

Материал поступил 10.07.2018

References

Badiou, A. (2003). *Manifeste pour la philosophie*. [In Russian]. Saint Petersburg: Machina. [= Бадью 2003]

Badiou, A. (2005a). *Méta/Politique: Peut-on penser la politique? Abrégé de métapolitique*. [In Russian]. Moscow: Logos. [= Бадью 2005а]

Badiou, A. (2005b). *Being and Event*. New York: Continuum.

Badiou, A. (2008). *Circonstances, 4. De quoi Sarkozy est-il le nom?* [In Russian]. Saint Petersburg: Academy for Research in Culture Press. [= Бадью 2008]

Badiou, A. (2013). *La relation énigmatique entre politique et philosophie*. [In Russian]. Moscow: Institute for Research in Humanities Press. [= Бадью 2013]

Bourdieu, P. (2007). *La délégation et le fétichisme politique*. [In Russian]. In P. Bourdieu, *Sociologie de l'espace social* (pp. 157–178). Saint Petersburg: Aleteia. [= Бурдые 2007]

Deleuze, G. (2016). *Mai 68 n'a pas eu lieu*. [In Russian]. Moscow: Ad Marginem. [= Делез 2016]

Received 10.07.2018